

Сергей Чефранов

КАТАПУЛЬТА, или КАК ПРОСТИТЬСЯ С ЛУЧШЕЙ ЧАШКОЙ

*Истории про Ивана Сергеевича - мальчика,
который умел быть серьезным*

Сергей Дмитриевич Чефранов

Катапульта, или Как проститься с лучшей чашкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42034626

SelfPub; 2023

Аннотация

На свете живет много веселых, любознательных мальчиков. Вот об одном из них и рассказывается в этой книжке. Какие истории рассказывал ему папа перед сном, что с ним происходило дома, в школе и на даче. А еще в этой книжке – фантастические истории, страшные и забавные... С пиратами, говорящими котлетами, злым доктором и черными перчатками. И все происходит вот прямо в наше время, и мальчик – современный, и родители, и бабушка – тоже современные. Обложка нарисована петербургским дизайнером Еленой Герловиной.

Содержание

ЭЛЕКТРИЧКА И КОМПАНИЯ	4
Электричка заболела	5
Электричка и мостик	11
Сказка про СТОП, ОБЕД и ЛОЖКУ	20
Сказка о Левых и Правых	24
Сказка о золотой рыбке и железной дороге	35
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ НА ДАЧЕ И ДОМА	45
Какой характер у топора?	46
Зеркало в траве	52
Как «щучий хвост» хотел сбежать	59
Катапульта	64
Крыжовник	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сергей Шефранов Катапульта, или Как проститься с лучшей чашкой

ЭЛЕКТРИЧКА И КОМПАНИЯ

Когда Иван Сергеевич был совсем маленьким и не умел читать, он любил слушать истории. Больше всего ему нравились истории про электричку. Так и получалось – днем он играл в игрушечную электричку и паровозики, а вечером перед сном слушал истории про нее и ее друзей.

Электричка заболела

В одном городе родилась маленькая электричка. Она была очень красивая, зеленая с желтой полоской. Ее папа – паровоз, и мама – взрослая электричка, отправили ее сначала в детский сад, а потом в школу.

В школе электричка училась три годика. В первом классе она научилась свистеть и выучила правила железнодорожного движения. Во втором классе она изучила времена года и явления природы, а в третьем – научилась разговаривать с пассажирами. И все три года она обязательно ходила на уроки физкультуры, чтобы научиться быстро ездить по рельсам. Ее колесики при этом научились хором говорить : «тук-тук-тук».

Электричка была лучшей ученицей в школе. На последнем уроке ей выдали золотую медаль и нарисовали еще красную полоску по бокам. А сама она была зеленая, с чистыми окошками по бокам вагончиков и яркими фонариками спереди.

Так как она была самой лучшей электричкой в школе, ее направили на практику работать на детской железной дороге. А детская железная дорога – это совсем как настоящая, взрослая, только на ней все меньше. Станции поменьше, рельсы поуже. И название у станций очень веселые: ка-

русель, фонтан, земляничная горка, каток, зоопарк и другие. А самой дальней станцией была библиотека. Она стояла на холме и была далеко, чтобы шум с других станций не мешал ребятам читать книжки.

Электричка сразу стала работать и быстро подружилась со всеми своими пассажирами. Это были ребяташки, мальчики и девочки, которые приезжали с родителями на детский вокзал, а потом уже сами садились в вагончики и ехали на свои любимые станции. Электричка очень вежливо говорила им, чтобы они были осторожны при посадке и выходе из вагонов. И еще она всегда предупреждала их, если на улице дул ветерок или шел дождик.

А сама она не боялась ни ветра, ни дождя. Все остальные электрички говорили ей, чтобы она надевала в дождь сапожки, куртку и шапочку, но электричка отвечала: «Я самая сильная и лучшая электричка в школе. Я не боюсь ничего». Ей говорили, что она может заболеть, и что надо регулярно ходить на осмотр к доктору, но электричка снова отвечала: «Я самая сильная, я ничего не боюсь, я не заболею». И она не ходила к доктору.

А когда на улице дул ветер, она говорила: «Доброе утро, ветерок. Не мог бы ты дуть немного послабее, чтобы детишки не простудились?».

А дождик она просила литься с другой стороны, где в это время не было ребяташек. И все с ней соглашались: тучки отходили в сторону, дождик переставал капать, а ветерок

дуть.

И так она работала всю весну и все лето. Везла ребятешек по всем станциям, и все ее очень любили, потому что она была добрая, веселая, и самая быстрая.

Но вот наступила осень. Как-то утром электричка подъехала к воротам депо, и старый паровоз спросил ее, почему она не надела шапку и куртку, ведь на улице стало холодно. Но электричка ответила, что она не боится холода, она ведь была самая быстрая, самая смелая, самая сильная.

И когда она выехала из депо и увидела огромную черную тучу, она вежливо сказала:

– Уважаемая туча! Не могли бы вы немного пододвинуться, а то скоро вы закроете солнышко, и ребятешкам станет совсем холодно.

На что туча грозно заклубилась и прошипела:

– Никогда! Я настоящая осенняя черная туча! Я стану еще больше, и закрою все небо на много-много дней!

И она стала расти, и скоро закрыла все небо до самого горизонта.

И к тому же пошел дождик – холодный и скучный.

Электричка попросила его перестать поливать ее друзей-ребятешек, но дождик только расхохотался в ответ. Он заявил, что он – настоящий осенний дождь, и скоро станет ливнем. И тогда всех промочит даже сквозь зонтики. И он так и сделал – превратился в целый океан воды.

А к вечеру подул холодный пронизывающий ветер. Элек-

тричка и к нему обратилась с просьбой дуть в другое время, когда детская железная дорога закрывается, и ребята расходятся по домам. Но ветер и не подумал ее послушаться. Он вообще ее не слышал. Он никого не слышал и дружил только с тучей и ливнем.

Хорошо, что родители ребятишек заметили изменения в погоде, и одели их потеплее. Так что маленькие пассажиры по-прежнему наполняли вагоны электрички и согревали ее теплом своих веселых сердечек.

Но и в этот первый день настоящей осени колеса электрички к вечеру устали. Они уже не стучали, как прежде, быстро: тук-тук-тук-тук. Они говорили так: тук-тук – скрип. Тук-тук – скрип.

Но, несмотря на это, электричка и на следующий день отказалась надеть куртку и шапку, и сходить к дяде доктору-инженеру за лекарством. Она выехала на маршрут и снова мчалась сквозь ветер и дождь под черной тучей, гордясь тем, что она самая быстрая, самая смелая, самая сильная.

И к концу второго дня ее колеса говорили уже так:
– Тук – тук – скрип – скрип. Тук – тук – скрип – скрип.
А многие блестящие ручки и поручни потускнели и стали ржаветь.

Но и на третий день электричка не пошла к дяде доктору-инженеру и не оделась потеплее.

И на четвертый, и на пятый.

Так продолжалось целую осень. Пока в один ужасный день

ее колесики смогли произнести свое «тук» только один раз, а остальное все было противное «скрип – скрип – скрип». У нее уже не осталось никаких блестящих частей, а многие лампочки погасли из-за сырости.

В этот день с утра пошел снег. Это на смену осени пришла зима.

Электричка молча проехала мимо старого паровоза, который только грустно вздохнул, глядя на ее мучения, и с трудом добралась до первой станции.

Но вот новая беда: ребятишки, которые пришли на станцию в разноцветных шубках и валенках с лыжами и санками, не захотели садиться в ее вагончики. Они сказали, что она заболела, и ездит слишком медленно, и ей надо к дяде доктору-инженеру. Ребятишки предпочли поехать в других электричках.

Только один мальчик, который простудился и не мог играть вместе со всеми, сказал, что ему надо в библиотеку, и он никуда не торопится.

Он сел в вагон, и электричка повезла его в библиотеку. Она исправно останавливалась на каждой станции, но никто больше не садился, и каждый раз колеса все труднее и труднее начинали катиться по заснеженным рельсам.

– Скрип – скрип – скрип, – говорили они, как будто жаловались на холод.

Когда мальчик вышел на станции «Библиотека», электричка решила немного отдохнуть. А когда она отдышалась,

оказалось, что колеса совсем замерзли и не могут сдвинуться с места.

Шел снег, и электричку постепенно заносило, вокруг нее вырастал большой сугроб, и вот уже снежная куча добралась до самой желтой полосы.

К счастью, мальчик сидел в читальном зале около окна. Он увидел, что случилось с электричкой, побежал к телефону и позвонил начальнику детской железной дороги. Вскоре приехал старый паровоз-спасатель, который за трос вытащил электричку из сугроба и дотащил до депо.

Очень быстро приехал дядя доктор-инженер. Он осмотрел электричку, постучал ее специальным молотком, смазал все части специальным маслом из большого шприца. Потом его помощники поменяли лампочки и почистили все блестящие части так, что они засияли, как новые.

И на следующий день электричка снова отправилась на маршрут, и колесики весело стучали «тук – тук – тук». Но в этот раз электричка никому не говорила, что она самая сильная, самая быстрая. Она даже надела специальную теплую куртку и шапочку. И когда ребята увидели ее, они радостно закричали: «Привет, привет!». Электричка подъехала к перрону и вежливо поинтересовалась у пассажиров, все ли они одеты тепло.

– Да, да, да! – закричали дети.

И электричка повезла их сначала на горку, а потом на каток.

Электричка и мостик

Через некоторое время электричка стала постарше, и теперь у нее была очень важная, ответственная работа. Она возила ребят, которые жили в этом городе, в лагерь отдыха. А потом привозила их обратно.

Она ведь была очень хорошая, добрая и веселая электричка. Когда она подходила к перрону на главной площади города, она радостно свистела, а когда открывала двери, говорила: «Привет, привет! Что новенького?»

Ребята рассказывали ей все самое интересное, что происходило в городе, в их школах и детских садиках. Поэтому электричка знала все новости, все про музеи и кино, про сады и театры, про клоунов в цирке и тигров в зоопарке.

Железная дорога, по которой пробегала электричка по пути в лагерь отдыха, проходила через поля, деревни и даже густой лес. И все обитатели этих местностей, когда электричка останавливалась на маленьких станциях, приходили и рассказывали ей свои небольшие новости, которые, конечно же, были не очень интересны, но электричка их запоминала, а на обратном пути спрашивала, как что поменялось. Поэтому все считали ее самой доброжелательной и знающей.

А на середине пути протекала речка, и электричка переезжала ее по мостику. Это был маленький, построенный очень

давно мостик. Его давно не красили, он скрипел, когда по нему кто-то проезжал. И у него был *семафор* – с зеленым и красным фонариками. Почти как на городских *светофорах*, только без желтого света.

Когда мостик видел приближающийся скорый или товарный поезд, он всегда старался включить зеленый свет, чтобы люди и товары не останавливались и не теряли время, и скорее попадали туда, куда им надо. Но когда он видел электричку, он всегда включал красный огонь, чтобы она могла остановиться и передохнуть, а детишки на половине дороге могли бы выйти и подышать свежим воздухом около речки. И пока детишки с воспитателями и родителями отдыхали, электричка рассказывала мостику все городские новости, а мостик ей подробно рассказывал, что происходит вокруг него – он ведь стоял на месте, и только вода текла под ним, и поезда проезжали по нему. Он сообщал электричке, какая температура воды, какой ветер, как поживают знакомые рыбы, уточки и лебеди. А однажды он видел, как большой камень упал с берега и чуть не разрушил домик бобров.

Потом электричка подавала сигнал, и все пассажиры снова занимали места, и она прощалась с мостиком, хотя в конце этого же дня они снова встречались, только на обратном пути. С другой стороны у мостика тоже был семафор с двумя фонариками.

И так продолжалось целое лето, пока в город не приехали важные взрослые дяди-инженеры. Они решили, что мостик

слишком мал, чтобы надежно пропускать все пассажирские и грузовые поезда, которых становилось все больше и больше. Тогда городской начальник решил перестроить мостик, а детей в это время возить на автобусах. А электричку на несколько дней отправили в депо на отдых.

И вот через неделю электричка снова приехала на городской вокзал. Новая группа ребят очень обрадовалась ей, так как им очень не хотелось ехать в автобусах по пыльным дорогам, на которых к тому же всегда случались пробки. Электричка, как обычно, расспросила ребят о новостях, и они поехали.

Но не успели они проехать и половину дороги, как впереди показался красный огонек на последнем вагоне большого товарного поезда, который стоял на рельсах посреди леса и никуда не ехал. Точнее, он двигался так медленно, что электричка успела поговорить со стоящими рядом с дорогой деревьями. Деревья сочувственно качали вершинами и говорили, что впереди огромная железнодорожная пробка. Вдруг на встречных рельсах показался скорый поезд. Он мчался, что было сил и ворчал. Увидев электричку, он немного притормозил и сказал: «Этот парень, который еще неделю назад был самым лучшим мостом в мире, сошел с ума и устроил такую пробку. Теперь я дико опаздываю!».

Через несколько часов медленного-медленного продвижения вперед электричка наконец-то доехала до мостика и увидела, что он каждому поезду теперь показывает сначала

красный сигнал, потом что-то спрашивает, и только потом, подумав и посмотрев в расписание, включает зеленый.

Но это был уже новый мост! Не ржавый и скрипучий узкий мостик, каким его помнила электричка. Теперь это был широкий и покрашенный свежей красной краской мост с башенками на специальных вышках и большими красивыми фонарями. Увидев электричку он так же включил красный свет.

– Привет, – сказала электричка.

Но мостик вместо того, чтобы поздороваться, глянул в расписание и сказал:

– Покажите пропуск.

– Какой пропуск? – удивилась электричка.

– Чтобы переехать на другой берег, вам нужен пропуск, – ответил мостик и снова углубился в чтение расписания.

– Мостик, это же я – твоя знакомая электричка! Помнишь, как мы с тобой разговаривали обо всем на свете!

– Я не мостик, я МОСТ номер один, – ответил мостик. – А пропуск надо получить на вокзале в городе. Без него проехать на другой берег нельзя.

– Что же мне делать, – почти заплакала электричка, огорченная не только задержкой, но и тем, что мостик ее не узнал. – У меня же в вагончиках так много ребятишек. Они устали и им уже пора обедать.

– Об этом в расписании ничего не написано, – ответил мостик. – Вам следует поехать обратно в город за пропуском.

Мостик переключил стрелку и электричке, сзади которой уже образовался большой хвост из других поездов, пришлось поехать обратно. Она ехала медленно-медленно, и большие слезы текли по ее зеленым щечкам и падали на блестящие рельсы. Многие ребята тоже заплакали, так как им очень хотелось поскорее попасть в лагерь отдыха и пообедать.

Электричка ехала медленно и смотрела вниз. И вдруг она увидела, что от железной дороги отходят какие-то другие рельсы, заросшие травой. А недалеко стоя маленький домик, рядом с которым в огороде копал грядки седой дедушка.

Электричка остановилась и спросила его, куда ведут эти старые рельсы.

– Да к речке, – ответил дедушка и подошел поближе:

– Если тебе туда надо, я переключу стрелку.

Электричке было все равно, куда ехать. К речке даже было лучше, так как тогда ее маленькие пассажиры могли бы хоть искупаться перед возвращением в город. И она поехала по старым рельсам к речке.

А на берегу речки оказалась пристань, возле которой стоял и пытел трубой пароход. Он был не очень большой, но серьезный и чистый. Электричка вспомнила, что иногда видела его, проезжая по мостику. Тогда, с высоты, он казался ей совсем крошечным, а теперь она подумала, что вполне могла бы разместиться на его палубе.

– Почему ты плачешь? – спросил парходик электричку,

и она рассказала ему про историю с пропуском.

Пароходик в задумчивости покачал бортами, а потом сказал:

–Хочешь, я перевезу тебя через речку. На другом берегу тоже есть пристань и старая железная дорога, которая тоже ведет в детский лагерь.

Электричка была решительной и смелой. Она ничего не боялась, когда речь шла о ее маленьких пассажирах.

Таким образом, электричка оказалась на палубе пароходика, который с трудом, но перевез ее на другой берег. По пути он тоже рассказывал о волнах, некоторые из которых долетали до самых поручней, о рыбах, о кустах, цветах и деревьях, которые растут на берегах. Детям, которые вышли из вагонов и стояли возле бортов, было очень весело ловить долетающие до них брызги.

И странное дело, когда пароход проплывал под мостиком и электричка посмотрела вверх, мостик показался ей совсем узеньким.

И так она возила ребят и их родителей целое лето. Как вдруг городской начальник решил, что детей стало слишком много, и электричке стало тяжело делать свою работу. И это была правда – ее колеса уже сильно износились, а двери открывались со скрипом. Городской начальник вызвал инженеров и сказал им, чтобы они добавили электричке несколько новых вагонов, а всю ее отремонтировали и покрасили. И детей снова отправили на автобусы.

Но когда через несколько дней отремонтированная электричка снова приехала на вокзал, все ребята были рады переменам. Им уже не приходилось сидеть на коленях у взрослых или стоять в проходе, для всех были места, и новые динамики сообщали новости без хрипа и треска. Все сели в вагоны, и электричка быстро побежала по рельсам.

Ее новый фонарь светил так ярко, мостик заметил ее издалека. Он вдруг вспомнил, кто это и громко закричал поверх обычной железнодорожной пробки перед его семафором.

– Эй, электричка, привет! Какая ты красивая и длинная! Давай, я переключу стрелку, объезжай пробку, поболтаем.

– А у меня нет пропуска, – ответила электричка.

– Ладно, расскажи городские новости, а я тебя без пропуска пушу, мы ведь давно знакомы.

– Нет, – подумала электричка, – раньше надо было узнавать, а теперь у меня новый маршрут.

И она снова свернула с главной дороги возле маленького домика. Седой стрелочник помахал ей вслед своим желтым флажком и сказал:

– Правильно, дружба – это не песочные куличики, ее так просто не построишь.

Пароходик, увидев электричку и ее новые вагоны, немного испугался.

– Какая ты стала красивая, – восторженно проговорил он и подумал, сможет ли он теперь ее перевезти.

Но пароход не стал ничего говорить про свои опасения,

а просто убрал с палубы лишний груз в трюм. Электричке тоже пришлось постараться и свернуться колечками, чтобы поместиться на палубе. Но в результате все устроилось, и пароходик медленно-медленно поплыл на другой берег.

А когда он проплывал под мостиком, неожиданно сверху на его палубу упал огромный букет цветов – такой большой, что пароход чуть не перевернулся. И сверху раздался голос мостика:

Электричка, прости меня за мое поведение. Я понял, что очень испортился. Но теперь я исправился и все едут без остановок и пропусков. Если ты вернешься, ты сможешь привозить детей в лагерь быстрее, чем сейчас, и даже быстрее, чем раньше.

Электричка не стала ему сразу отвечать. Ведь правда, дружба – это не песочные куличики, ее так просто не построишь. Она даже не сказала мостику, что чуть не оказалась в воде из-за его огромного, слишком большого букета. И продолжала плавать на пароходике.

И только на следующий год, когда электричке добавили еще несколько вагонов, и она перестала совсем помещаться на палубе пароходика, она вернулась на маршрут через мост. Но мост уже снова был добрым и веселым. Он радостно помахивал своими фонарями, видя электричку, и они находили несколько минут для того, чтобы поболтать. А мимо них в обоих направлениях пробегали скорые и товарные поезда, и все они благодарили электричку за тот урок, который она

преподавала мостику.

Конечно, электричке было жалко расставаться с пароходиком. Она даже написала письмо городскому начальнику с просьбой отправить пароходик в ремонт и увеличить его палубу. Но городской начальник ответил, что тогда пароходик придется увеличить и киль, и он не сможет причаливать к пристани и вообще плавать по их маленькой речке. Но зато к причалам провели асфальтовую дорогу, и теперь пароходик перевозил через речку автобусы и автомобили с теми ребятами, которые жили не в городе и не могли приехать на вокзал.

А один раз в неделю получалось так, что в одно и то же время электричка подъезжала к мосту, а пароход с автобусами и автомобилями проплывал вниз. Тогда все останавливались и разговаривали. Вот такая большая и дружная компания получилась.

Сказка про СТОП, ОБЕД и ЛОЖКУ

Жили-были в одной книжке разные буквы. Книжка, в которой они жили, называлась Азбука. Каждое утро буквы высыпались на своих страничках, умывались, завтракали и убежали на работу. Работали они в разных местах – в детском саду, школе и институте – с сентября до мая. А летом у них тоже были каникулы.

И вот однажды наступило время каникул. Буквы попрощались с ребятами, и поехали на отдых к морю. Они сели в поезд и начали играть в слова и города. А одна буква – Я – не захотела играть, а ходила между купе и смеялась над другими буквами. Так она подошла к букве С и сказала:

– Что-то ты какая-то незаконченная, как будто О не дописали.

И так она стояла возле буквы С и говорила ей это много раз, так что буква С обиделась и сошла на ближайшей станции.

А букве О буква Я сказала, что она не буква, а просто цифра ноль. А ноль это пустое место. И тогда буква О тоже обиделась и вышла из поезда.

Но буква Я не уgomонилась и продолжала ходить по поез-

ду и смеяться над буквами. Букве Т она сказала, что у нее слишком короткая верхняя палочка, а букве П, что у нее кривые ножки.

А вот когда буква Я повстречала букву Б, то она просто высунула язык и сказала:

– Бе-е-е.

Все буквы, которым Я задиралась, сначала удивлялись ее плохому поведению, потом пробовали с ней спорить, но Я была такая шумная, что буквы просто переходили в другое купе и выходили на ближайшей станции. Никто не хотел ехать вместе с невоспитанной Я к морю.

Так из вагона ушли и К, у которой Я пыталась согнуть верхнюю палочку, и Д, в которую Я пробовала залезть, как в домик. И даже буква Е, когда Я попробовала положить ее на спинку и превратить в Ш, рассердилась и ушла вместе с Ж, которую Я назвала жадиной.

В конце концов, Я осталась одна, и провела все каникулы, крутясь перед зеркалом – ведь она себя очень любила.

Но каникулы закончились, и буква Я снова села в поезд, и поехала домой, в Азбуку. Она точно знала, когда ей надо выходить, поэтому заранее подошла к окошку, в которое хотела увидеть свою станцию. Но что-то случилось с поездом, и он не остановился на нужной остановке, и поехал дальше. Буква Я рассердилась и пошла к машинисту, выяснить, в чем дело.

– Эй, сказала она машинисту. Разве это была не моя оста-

новка, почему вы не остановили поезд.

– Там не было знака СТОП, – ответил машинист, а без этого знака на платформе я не могу останавливаться.

Машинист довел поезд до тупика (в котором можно останавливаться без специального сигнала), прицепил электро-воз с другого конца и поехал в обратную сторону. И снова не остановился на нужной букве Я станции, хотя она очень требовала и грозилась написать жалобу начальнику железной дороги.

– Не имею права, – снова ответил машинист.

Тогда буква Я задумалась, и написала sms-ку буквам СТО и П. Она написала, что очень извиняется за свое плохое поведение и больше не будет над ними смеяться. Буквы СТО и П ехали в другом поезде и спокойно остановились там, где было нужно. Тогда и машинист поезда, в котором была буква Я, тоже смог остановиться.

Буква Я побежала в школу, где у детей был урок на тему «Как Я провел лето». Это был очень интересный урок, на котором все дети рассказывали о своих летних приключениях. А после этого урока у детей должен был быть обед. Но когда они пришли в столовую, то увидели пустые тарелки и повара, который сидел с поварешкой на холодной плите и плакал. Дело было в том, что без букв Б, Е и Д он не мог ничего сварить. Он сидел и стонал О-О-О, так эта буква была рядом.

– Что же делать, – плакал повар. А буква О увидела букву Я и тут же к ней подкатилась.

– Похоже, тебе нужно извиниться и перед другими буквами.

Я покраснела, отошла в уголок и написала извинения буквам Б, Е и Д. Тогда эти буквы срочно прибежали из других школ, и вместе с поваром и буквой О быстро приготовили обед.

Но вот что случилось дальше. Обед-то они приготовили, но есть было невозможно, так как буквы Л, Ж, К и А тоже еще обижались на букву Я и не хотели работать в той школе, где была она.

Но буква Я уже без напоминания написала третье извинительное письмо, а потом и четвертое, и пятое, так что под конец дня все буквы собрались вместе. Тогда дети смогли нормально пообедать, а после занятий все направились по домам. Буквы тоже собрались и пошли к себе в Азбуку. И, честно говоря, буква Я шла самой последней, ведь она находится в самом конце алфавита.

Сказка о Левых и Правых

В одном магазине жили ботинки. Это был обувной магазин, и ботинок в нем было много разных – от самых маленьких до самых больших, и синие, и желтые, и черные, и разноцветные. И на шнурках, и на молниях, и на липучках. Кроме ботинок там были и кроссовки, и домашние тапки, и сапоги, и сандалики. Но мы говорим о ботинках.

Все ботинки жили в коробках, которые стояли на полках. В каждой коробке жили по два ботинка – один левый, а другой правый. Все жили мирно и радовались, когда какая-то пара находила себе новых хозяев.

По ночам ботинки приоткрывали коробки, высовывали из-под крышек носки, болтали и строили планы на будущее. Больше всего разговоров было в детском отделе.

– Вот, говорили лакированные кожаные ботиночки, – мы попадем в хорошие руки, нас будут чистить и смазывать кремом, поэтому мы долго-долго будем молодыми.

– А мы бы хотели попасть к будущему путешественнику, – мечтали зеленые резиновые сапоги. Мы с ним будем переходить в брод лужи, будем гулять под дождем, но никогда не промокнем – мы ведь резиновые!

– А мы хотим заниматься танцами, – восклицали розовые туфельки с белыми бантиками, – это так весело – кружиться

в вальсе!

– Что толку кружиться на одном месте, – отвечали им кроссовки, – нас будет носить спортсмен. Куда он побежит, мы будем прибегать быстрее всех.

Но в одной коробке никто ни о чем подобном не мечтал. Там жили два синих ботинка, один из которых – правый, был очень капризный. Он высунулся из коробки и громко заявил:

– Эх вы, все мы да мы, что человек будет делать, то и вы. А я лучше буду сам по себе!

– Что ты такое придумал, сказал ему левый синий ботинок, который был с ним в одной коробке, – разве бывает так, чтобы обувь жила сама по себе и не по парам?

– Не бывает! – заявил правый ботинок, – я буду первым! Он выскочил из коробки, спрыгнул с полки на пол и крикнул:

– Кто еще не боится, за мной!

– Я не боюсь, – ответил ему из нижней коробки чей-то голос, – только помоги мне отсюда выбраться.

– Правый синий ботинок сдвинул коробки в сторону и помог вылезти на свет желтому домашнему тапочку. Это был тоже правый тапochек.

– Куда ты уходишь, – спросил его левый тапochек, который остался в коробке.

– Понимаешь, – ответил ему правый тапochек, мы с тобой так долго прожили в одной коробке, а ты такой молчаливый, что я уже устал от тишины. Ты, конечно, хороший сосед, но

все-таки мы с тобой такие разные, ты левый, я – правый. Когда я иду, ты – стоишь. Наверное, нам пора каждому идти своей дорогой.

– Вот именно, – закричал синий правый ботинок своему соседу, который махал ему липучками из коробки, – мы с тобой очень разные: я правый, ты – левый, я иду, ты – стоишь! А с эти желтым тапочком мы оба правые, оба будем все делать одновременно, и стоять, и ходить, и бегать, и прыгать. Так что, пока-пока!

Как раз в это время пришли продавцы. Они немного открыли дверь, чтобы проветрить торговые залы, а сами пошли переодеваться перед началом рабочего дня. И наши два товарища – правый синий ботиночек и правый желтый тапочек через щель выскользнули на улицу. И они поторопились вдоль стенок скорее подальше от магазина, чтобы продавцы их не спохватились и не пустились в погоню.

Но по улице было идти не очень легко, все время приходилось уворачиваться от прохожих. Взрослые сапоги и ботинки строго смотрели на сбежавших путешественников и ворчали:

– Где ваши левые, где вы их оставили. Ну-ка, возвращайтесь к ним, а то...

Что такое это «а то» никто договаривать не успевал, так как все ужасно торопились в разные стороны.

– Нет, на улице слишком опасно, – сказал правый синий ботинок, – давай свернем вон на ту детскую площадку, по-

смотрим, как ребята играют в футбол.

Они свернули во двор, где была детская площадка и маленький стадион. Но там оказалось еще опаснее.

– Смотрите, ботинок! Только правый, без левого! – закричал какой-то мальчик. – Он будет нам вместо мяча!

– Разве можно играть ботинком? – спросил кто-то.

– Да конечно, если это ботинок без пары, – ответил снова первый мальчик, и все стали пинать нашего беднягу по всему полю.

А желтый тапочек был замечен девочками в песочнице. Они сначала искали ему пару, думая, что кто-то забыл их возле скамейки, а когда не нашли, стали использовать его как лопатку. Они насыпали в тапочек пыльный песок, и носили его по всей песочнице. Так что тапочек чихал и кашлял. Хотя ботинку, конечно, приходилось хуже – на десятой минуте матча у него уже почти оторвались липучки.

Но скоро пошел дождь, и дети собрались и ушли с родителями с площадки. Никто не захотел взять с собой в теплый дом ни ботинок, ни тапочек. И друзья остались на улице и совсем промокли.

Они хотели переждать дождь под грибком, но туда пришли две бродячие собаки.

– Смотри, сказала одна другой, – какие замечательные игрушки. У меня как раз зачесались зубы, хорошо бы что-нибудь погрызть.

– У меня тоже зубы чешутся, – согласилась вторая, и они

обе направились к нашим беглецам.

Ботиночек и тапочек еле успели выскочить из-под грибка, острые клыки только лязгнули им вслед.

– Ух, – произнес ботинок, когда они добежали до угла дома. Он опасливо выглянул из-за него, но бродячие собаки сидели под грибком и чесали свои страшные зубы о полованный пластмассовый грузовичок, оставленный кем-то из ребят.

– Спаслись! – воскликнул тапочек и поежился, – куда теперь?

– Смотри, – ботинок подпрыгнул и кивнул на другую сторону улицы, – там сапожная мастерская. Там нас наверняка приведут в порядок.

С большим риском ботинок и тапочек перебрались на другую сторону улицы. Им пришлось прятаться среди ног прохожих, каждую минуту им грозила опасность попасть под чей-нибудь острый каблук или оказаться поддетыми каким-нибудь самоуверенным носком. Все эти взрослые сапоги, ботинки, кроссовки неодобрительно смотрели на маленьких путешественников, перескакивали через них и спешили вперед.

– Что вы тут делаете одни? – казалось, спрашивали все вокруг.

Наконец друзья перебрались через улицу и тихонечко вошли в мастерскую.

Там было тихо, за прилавком никого не было, только в

углу за перегородкой гудел какой-то станок.

На перегородке висела большая таблица в рамке. Это был прейскурант – самый важный документ в мастерской. Он хмуро посмотрел на наших героев, выглядевших совсем не героически, и хрипло произнес:

– Что надо?

Ботиночек взмахнул полу оторванной липучкой, а тапочек повернулся грязным потрепанным боком:

– Нам нужна неотложная сапожная помощь, – сказали они хором.

– А кто заплатит? – спросил прейскурант, скосив глаза на свою грудь, густо исписанную цифрами, – где ваши хозяева?

– Мы сами по себе, – ответил ботинок, а тапочек согласно кивнул.

– Ну а хотя бы левые ваши где? – снова поинтересовался прейскурант.

Путешественники промолчали.

– Сами с усами, – усмехнулся прейскурант, – без денег здесь нечего делать, это вам не в коробке пылиться, здесь, – он прислушался к гудению станка за перегородкой, – здесь настоящая тяжелая борьба за жизнь. Без пары тут делать нечего.

Прейскурант вздохнул и замолчал. Через минуту он начал даже похрапывать.

Друзьям ничего не оставалось делать, как повернуться и уйти, но тут станок за перегородкой перестал гудеть, и из-за

нее вышел мастер.

– Подкидыши! – весело сказал он, увидев гостей на ступеньках, – а где остальные?

Мастер даже выглянул за дверь в расчете увидеть левые ботинок и тапочек. Но, разумеется, ничего не нашел, и вернулся к прилавку.

– Ну, ничего, – сказал он, ставя ботинок и тапочек на прилавок, – немного почищу и отнесу к соседу, вдруг, пригодятся.

В сильных руках мастера, от которых пахло кожей и сапожным кремом, друзья пригрелись и чуть было не заснули, но тут мастер, закончив чистку и подклеив ботинку липучку, сунул их в мешок и вышел на улицу.

Так синий правый ботинок и желтый правый тапочек оказались на полке в новом магазине. Они стояли рядом со многими другими вещами, из которых никто не разговаривал и не проявил никакого интереса к вновь прибывшим. Только иногда какое-нибудь платье на плечиках вздрагивало, как от сквозняка, и шептало:

– Вот раньше я...

Но дальше ничего не следовало, и в магазине снова становилось тихо.

«Second hand» – такую надпись видели друзья на стекле витрины. Впрочем, буквы и слова были перевернуты, поэтому прочитать их ни не могли. В магазин заходили разные люди, но никто ни разу даже не посмотрел на полку с ботинком

и тапочком, которые через несколько дней стали такими же молчаливыми, как и все остальные.

Но, разумеется, в этом городе жила и одна добрая волшебница!

Конечно, она не могла допустить, чтобы кто-то долго грустил на полке и чувствовал себя никому не нужным и ни на что не пригодным.

Она ворвалась в магазин «Second hand» как ветер, подняв пыль во всех углах, схватила наших горе-путешественников, завернула их в подол своего старинного платья, и так же быстро умчалась за дверь.

– Что это было? – спросила кассирша, пившая чай за своей кассой.

– Вроде дверь хлопнула, от ветра, наверное, – ответил ей продавец, читавший журнал на стуле где-то за вешалками с одеждой.

Волшебница мгновенно перенесла правый ботинок и правый тапочек в их родной магазин. По пути она над ними немного поколдовала, так что, когда они выпали из складок ее платья на пол в своем магазине, они снова были как новые.

Вся обувь в магазине высунулась из коробок и весело зашелестела шнурками, зазвенела застежками, закрипела липучками.

Левый синий ботинок и левый желтый тапочек, которых после исчезновения правых продавцы положили в одну коробку, вылезли из нее и закричали:

– Что, нагулялись! Так гуляйте и дальше! А мы без вас уже привыкли!

Но волшебница подняла свою серебряную палочку и попросила всех замолчать.

– Сейчас, – сказала она таинственным голосом, мы проведем одно испытание.

Она скинула свои туфли-лодочки, и быстро всунула ноги в правый синий ботинок и в правый желтый тапочек.

– Ах, как неудобно, – ахнула она и чуть на споткнулась на левую ногу.

– Но ничего, – продолжила она, кое-как поправив правый тапочек на левой ноге, – испытание начинается!

Волшебница снова подняла серебряную палочку и командовала сама себе:

– Шагом марш!

И тут же чуть не упала, поскольку и синий ботинок, и желтый тапочек на ее ногах оба были правыми, и каждый из них решил, что начинать шагать должен именно он.

– Не получилось, – сказала волшебница. – А теперь попробуем еще раз.

Она вдохнула воздуха и командовала:

– Бегом – марш!

Но она не побежала, а смешно поскакала вперед, пока на втором скачке чуть не упала, с трудом удержавшись за край прилавка.

Волшебница села на банкетку, сняла ботинок и тапочек,

поставила их на пол и спросила:

– Ну, похоже, не очень-то у нас получилось. Ни походить, ни побегать. Чего-то нам не хватает. Может, попробуем по другому?

Она снова надела на правую ногу правый синий ботинок, а на левую, взмахнув волшебной палочкой – левый синий ботинок. И в двух синих ботиночках она закружилась в танце по залу магазина.

– Мы тоже хотим танцевать, – закричала вся обувь, что была в магазине. Волшебница хлопнула в ладоши, и все закружились в танце вслед за ней. Ботинки, кроссовки, туфли, сапоги, сандалии, тапки – вся обувь попарно танцевала не только на полу, но даже в воздухе, а два грозных кожаных туристских сапога гулко топали по потолку.

– Ну, хватит, – сказала волшебница, посмотрев на часы. – Надеюсь, все поняли, что быть разными, но дружными – значит, быть сильными и на многое способными.

– Поняли, поняли, – хором отвечала ей обувь, а маленькие розовые туфельки с голубыми бантиками робко подошли ближе всех к волшебнице и попросили:

– Не могли бы вы еще с нами потанцевать?

– Нет-нет, – ласково ответила волшебница, – вы и без меня теперь справитесь, а мне надо еще в соседний магазин – научить кое-кого лепить куличики.

Она покачала головой, уселась на свою маленькую дамскую сумочку и полетела к дверям.

– А что это за магазин, – успели все же спросить розовые туфельки.

– Как какой, – удивилась волшебница, обернувшись на прощанье и помахав всем рукой:

– Магазин, конечно – перчаточный!

Сказка о золотой рыбке и железной дороге

В одном поселке на берегу моря в небольшом аккуратном домике жили старичок со старушкой. Вокруг домика был огород и сад. Бабушка целыми днями возилась с растениями и на грядках, поэтому летом и осенью она собирала большой урожай всяких вкусных ягод и фруктов – клубники, смородины, крыжовника, вишни, яблок и груш. Из всего этого она готовила варенье и компоты, которые в стеклянных банках хранила в погребе.

Старичок ей во всем помогал – делал всю трудную и грязную работу – вскапывал грядки, носил воду и корзины с урожаем.

Так и проходили все дни. А вечером бабушка обычно садилась около открытого окошка, брала журнал с кроссвордами и начинала их разгадывать. Только иногда она поднимала голову, смотрела в сад и вздыхая говорила дедушке:

– Вот собираем такой урожай, и все приходится в банки закатывать, некому свежее да спелое прямо с грядок и с веток брать и в рот отправлять.

– Как же некому, а Ванечка – внучок? – спрашивал дед.

– Да он хорошо если два раза за лето приедет, все не до-

браться им, дорога неблизкая, – снова вздыхала бабушка и опускала голову к кроссворду.

Ванечка – их внук, жил в городе с родителями. До города можно было добраться только на машине или на автобусе, потому что никакого другого транспорта в поселке не было. А дорога была не очень хорошая – до асфальтового шоссе еще нужно было доехать по неровной ухабистой грунтовке. Поэтому Ваня с родителями приезжал к бабушке с дедушкой редко. А все припасы они забирали в город и потом ели всю зиму, доставая из холодильника.

– Да, дорога неблизкая, – тоже вздыхал дедушка, надевал резиновые сапоги и уходил к морю ловить рыбу. Он часто по вечерам, когда бабушке уже не надо было помогать, любил посидеть с удочкой на берегу.

И вот как-то в один из таких вечером он пошел к морю и стал ловить рыбу. Но что-то ничего ему не попадалось. Старик уже совсем было собрался сматывать удочки, как вдруг поплавок задергался и пошел вглубь.

– Клюет! – обрадовался дедушка, потянул леску и вытащил из воды маленькую рыбку.

– Вот так рыбка! – удивился дедушка, поднося ее к самому носу, чтобы получше рассмотреть.

Рыбка и в самом деле была необыкновенная. Она была не простая, а, похоже, золотая. Её чешуйки отражали лучи садящегося за горизонт солнца и блестели, как новенькая монетка. На голове у рыбки была маленькая хрустальная ко-

рона, украшенная синими и красными драгоценными камнями. На розовых плавниках тоже были надеты маленькие браслеты из жемчуга.

– Посажу кА я тебя в банку, отнесу домой, покажу бабке. Пусть поудивляется, – сказал старик.

А рыбка вдруг открыла рот и заговорила человеческим голосом:

– Не сажай меня в банку, не отнеси домой. Я ведь без свежей морской воды, без прохладных течений заболею и погибну. Отпусти меня лучше в море, я вернусь к своим деткам, а тебе в благодарность выполню любое желание.

Дедушка подумал-подумал, да и согласился с рыбкой. Отпустил ее обратно в море.

– Бабке так расскажу, вдруг поверит, – решил он, смотал удочки и пошел домой.

– Плыви, – скал он рыбке, – а желаний у меня никаких нет, живем и так хорошо.

Придя домой, он подсел к столу, за которым бабушка решала кроссворд, и все ей рассказал.

– Надо же! – воскликнула она, – чего не бывает. Только ты, дед, очень уж у меня бестолковый.

– Отчего же ты так думаешь, – спросил дедушка.

– Как же ты без желания рыбку-то отпустил. Неужели не помнишь, о чем мы каждый вечер горюем – о том, что внучек наш – Ванечка, далеко живет, редко приезжает, и нам без него грустно.

– Так что же делать, не может же рыбка Ванечку на все лето к нам привязать. У него же и другие планы есть – и путешествует он с родителями, и в спортивный лагерь с другими ребятами ездит.

– Это я и так понимаю, – сказала бабушка, – А вот попросил бы ты у рыбки мобильный телефон с безлимитным тарифом, мы бы хоть каждый день с ним по телефону могли говорить. Все веселее было бы.

Дед вздохнул, снова надел сапоги, взял на всякий случай удочку, и пошел на берег моря. Пришел, думал снова забросить удочку, но сначала решил просто позвать.

– Рыбка золотая, где ты!

Он и не ждал, что рыбка откликнется, но вдруг она высунула голову из воды у самого берега и спросила:

– Что тебе надо, дедушка.

Старик ей все и рассказал, как живут они с бабушкой, как за садом и огородом ухаживают, как ждут внука, а он так редко приезжает. Ну и про телефон, конечно, тоже сказал.

– Это простое желание, – ответила рыбка, плеснула хвостом, и уплыла.

Старик тоже пошел домой.

А дома он увидел свою старуху, которая вместо того, чтобы спать, сидела на лавочке у крыльца и болтала по новому телефону.

– Ванечка на проводе, – сказала она деду и снова заговорила в трубку, – клубники десять грядок, смородины десять

кустов, малины пятьдесят кустов ...

Дедушка присел рядом и слушал их разговор.

Весь следующий день бабка ждала вечера, чтобы снова поговорить с Ванечкой. А когда разговор закончился, она вдруг загрустила.

– Все-таки ты, дед, у меня такой бестолковый. Только телефон и попросил у рыбки. А вот Ванечка мне сказал, что сегодня он был на соревновании, завоевал золотую медаль, и вечером его будут показывать в новостях. А у нас даже телевизора путного нет, и антенна только домашняя, не все каналы ловит. Сходил бы ты опять к рыбке, попросил у нее телевизор.

Что делать. Надел дед снова сапоги, пошел к морю. Пришел на берег, стоит, ждет.

А рыбка как будто его ждала, снова высунула голову из воды и спрашивает:

– Что пришел? Или телефон сломался? Если сломался, давай его сюда, по гарантии заменю.

– Да нет, телефон работает, – вздохнул дед и рассказал рыбке про Ванечку, соревнования – про все.

– И вот не могла бы ты нам телевизор с супер антенной подарить, чтобы сегодня соревнования посмотреть, – попросил он рыбку.

– Это дело тоже легкое, – ответила рыбка, – так что иди спокойно домой.

Она уплыла, а старик пошел домой.

Приходит, а дома бабка перед новым телевизором сидит, и соревнования смотрит. А там Ванечке как раз золотую медаль вручают.

Как медаль вручили, бабка снова за телефон – звонить в город, Ванечку еще раз поздравлять. А дед вспомнил, что не поставил еще подпорки под яблони, и вышел в сад.

Вернулся через час, а бабка грустная сидит. Телевизор выключен, телефон на столе лежит.

– Что ты вдруг загрустила? – спросил дедушка.

Бабушка вздохнула пару раз, потом говорит:

– Вот и телефон есть, и по телевизору внучка увидела, а все равно радости нет. По телевизору его ведь клубничкой не угостишь. Ничем его настоящего не заменить.

В такой вот печали и пошла бабка спать. А дед посидел еще, посидел, да вдруг встал и снова сапоги надел. Пошел на берег.

Пришел, сел на камень, ждет чего-то, а чего и сам не знает.

Рыбка его, конечно, увидела, и подплыла поближе.

– Что ты, – спрашивает, дедушка, грустишь. Если телевизор сломался, то неси его, заменим по гарантии. А если что другое, так ты скажи.

– Не знаю, что и сказать, рыбка дорогая, – ответил старик, – посоветоваться пришел. Вот вроде бабка моя с внучком и поговорила, и посмотрела на него, а все равно грустит. Говорит, бесполезны все эти изобретения современные, не заменить настоящего общения. Через телевизор, го-

ворит, ничем не угостить. Так что даже не знаю, как ее развеселить. Может, ты что посоветуешь.

Рыбка поплавала кругами, подумала, но так ничего и не посоветовала. Иди, говорит, домой. Над этим делом надо долго думать. И уплыла.

А дед домой пошел.

Рыбка же поплыла к своему отцу – морскому царю. Приплыла к нему во дворец, и все рассказала. Что живет на берегу в симпатичном домике с красивым садом и богатым огородом старик со старухой. Все у них есть, ни на что не жалуются, только грустят очень, что внук Ваня редко приезжает из города. Прямой дороги нет, а по шоссе да по грунтовке только один раз за лето и выбирают.

Морской царь обрадовался, что есть такие хорошие люди, которые для себя ничего не просят, а только по другим скупают, и сказал дочке:

– Ладно, плыви, гуляй, я что-нибудь придумаю.

Рыбка поплыла к подружкам, а морской царь всплыл к самой поверхности моря, там превратился в облачко, и полетел к земному царю.

Земной царь жил на высокой горке, с которой хорошо было видно все вокруг. Облачко – то есть морской царь – к нему подлетел, и пролился дождиком в бассейн. Земной царь сразу увидел гостя и спросил, по какому делу он прилетел.

– Уф, чуть совсем не испарился, пока до тебя добрался – сказал морской царь, высунув голову из бассейна.

Потом он подробно рассказал земному царю про старика и старуху и про их внука.

– Понимаешь, – сказал морской царь, – если бы город тоже стоял на берегу, я, конечно, пустил бы скоростной катер из города в деревню. Но город далеко от берега, и за день не доберешься.

Земной царь тоже пожалел стариков, и задумался.

– Вот что, – наконец сказал земной царь, – а давай построим в твою деревню железную дорогу – прямо из города. Наверное, не только Ванечка не может часто туда ездить, и другие люди тоже мучаются. А ты в деревне на берегу насыпь золотого песочка, чтобы пляж был хороший, и волн больших не поднимай, чтобы купаться все могли.

– Хорошая идея, – согласился морской царь.

Он снова превратился в облачко и полетел подготавливать пляж, а земной царь занялся железной дорогой.

А у морского и земного царя (они же волшебники) все быстро делалось – за одну ночь.

Проснулся дед, слышит – за окном на улице шум.

Выглянул из окна, видит – бегут куда-то люди. Вот и сосед выскочил, на ходу рубашку в штаны заправляет.

– Ты куда торопишься, – спросил его дед.

– Да там на площади такое чудо – за одну ночь вокзал построили и железную дорогу из города провели. Сейчас встречать первую электричку будут – торжественно, с оркестром.

– Вот чудо так чудо, – подумал старик, и скорей начал бу-

дить бабуку.

Разбудил, и они вместе, даже не позавтракав, помчались на площадь.

А там действительно – платформа, вокзал, расписание поездов – все по-настоящему. И военный оркестр на платформе стоит, а все оркестранты смотрят на дирижера. А дирижер смотрит на начальника вокзала, когда тот скажет начинать играть. А начальник вокзала смотрит на своего сына, который забрался на крышу вокзала по пожарной лестнице и оттуда смотрит, не появился ли поезд.

Наконец сын начальника вокзала махнул рукой, начальник вокзала тоже махнул рукой, дирижер взмахнул палочкой, и оркестр заиграл марш.

И тут все увидели на горизонте черную точку, которая быстро приближалась, и вскоре стало видно, что это не точка, а настоящая сине-красная скоростная электричка. Она плавно подошла к платформе, остановилась, и двери с шипением раскрылись.

Пассажиров было еще не очень много – электричка же была первая, но вдруг дед схватил бабуку за руку и закричал:

– Смотри, кто приехал!

И они оба поспешили к последнему вагону, из которого вышел их внук Ваня со своими родителями и с двумя друзьями из класса.

– Вот это чудо так чудо, – обрадовалась бабушка, – а то что за чудо – вокзал без дорогих гостей.

Все вместе они отправились сначала к бабушке и дедушке в дом. Там позавтракали, походили по саду, а потом все собрались на море.

— Да у вас пляж — лучше, чем на зарубежных курортах, — сказал папа. В следующий раз возьмем ласты и маски, чтобы ракушки собирать.

Так все и поменялось. Теперь каждые выходные, а потом еще и на все каникулы Ваня приезжал к бабушке с бабушкой, а поздней осенью и зимой, когда в саду и огороде было нечего делать, старики сами приезжали в город со своими вкусными гостинцами. Всем было хорошо, и все удивлялись, как так быстро построили целую железную дорогу. Дедушка как-то попробовал рассказать про золотую рыбку, про то, как все было. Но ему, конечно же, никто не поверил.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ НА ДАЧЕ И ДОМА

Эти истории приключились с самим Иваном Сергеевичем, когда он сначала был маленьким, но таким серьезным, что родители в шутку называли его по имени-отчеству. Иван Сергеевич рос, истории становились все интереснее и серьезнее, такими, что иногда и не понятно – для детей они, или все-таки для взрослых?

Какой характер у топора?

Иван Сергеевич проснулся сам, и вышел на веранду в пижаме, зевая и протирая глаза кулачками. На веранде сидела бабушка, читала журнал и пила кофе.

– Как ты рано проснулся, – воскликнула она, – какой молодец!

Иван Сергеевич ничего не ответил, и молча сел за стол.

Солнце пробивалось сквозь занавески, где-то гудела муха, а с улицы раздавались удары – это папа колот дрова.

– Пойду готовить завтрак, – сказала бабушка, и отправилась на кухню. Там она, вероятно, встретила маму, и первым делом сообщила ей, какой Иван Сергеевич молодец, что сам проснулся и встал.

– Только кровать не заправил, и не умылся, наверное, – ответила мама. Она вообще была всегда очень строгая.

Иван Сергеевич вздохнул, сполз со стула, и отправился за бабушкой на кухню.

– Дай мне, пожалуйста, мою зубную щетку и пасту, – попросил он бабушку.

– Что-то сегодня случилось? – удивилась бабушка. Даже волшебное слово не забыл.

Иван Сергеевич почистил зубы, умылся, и вернулся в комнату застелить постель. Когда он нагнулся к одеялу, кровать

его все-таки попыталась снова повалить на себя, но Иван Сергеевич справился, как мог без помощи разровнял одеяло и положил подушку на место головы.

Мама наблюдала за всеми его движениями, но в конце все-таки тоже не удержалась и спросила, что это такое случилось, что Иван Сергеевич все без напоминания делает.

Иван Сергеевич удивился. Неужели взрослые забыли, что вчера вечером решили, если все дела утром быстро сделают, поехать на пикник на озеро. А озеро – значить лодка. А все быстро сделать – значит быстро встать, умыться и позавтракать. Что непонятного?

– Завтрак готов, – позвала с веранды бабушка.

На столе стояли только две тарелки – для Ивана Сергеевича и мамы.

– Мы с папой уже поели, – сказала бабушка. Она стала наливать чай, чтобы немного остыл, пока Иван Сергеевич ест кашу, а папа все колот дрова на улице.

Чпок, чпок – раздавалось оттуда, и поленья разлетались в стороны.

– Давай, ешь, – сказала бабушка, отодвигая на всякий случай подальше самолет из лего, который тоже оказался на столе, и на которой так усиленно смотрели еще не до конца проснувшиеся глаза Ивана Сергеевича.

– Давай, ешь, – повторила бабушка, – будь молодцом.

И тут что-то случилось. Правая рука Ивана Сергеевича взяла ложку и стала мешать кашу в тарелке, а левая потяну-

лась к самолету.

– Зачем тебе самолет? – спросила бабушка и отодвинула его еще дальше.

И так получилось, что левая рука Ивана Сергеевича отдернулась назад, задела кружку с чаем. Кружка опрокинулась, горячий чай разлился по столу и стремительно потек к краю. Иван Сергеевич вскочил, бабушка тоже. Стол подскочил, тарелки упали на пол, и... завтрак пропал.

Как раз на веранду вошла мама.

– Ну что у вас опять происходит? Все так хорошо начиналось, – в сердцах сказала она. Иван Сергеевич не выдержал, и, глотая слезы, выскочил на крыльцо.

– Не нужен мне завтрак, и озеро не нужно, – крикнул он, хлопнув дверью.

– Ну что расхулиганился, – крикнула ему бабушка. – Ишь, чего выдумал, – дверью хлопать! Характер проявлять вздумал!

Папа колол дрова. Он мельком взглянул на Иван Сергеевича, но ничего не сказал. Он только воткнул топор в чурбан, сел на скамейку и взял в руку бутылку с квасом. Отпил глоток.

Иван Сергеевич посидел некоторое время на ступеньках, уткнув лицо в колени. А потом в его голове появился важный вопрос, и слезы сами быстро высохли. Он поднял голову, шмыгнул носом и спросил:

– Папа, а что такое характер?

– Характер – это те качества, те свойства, которые позволяют человеку добиваться того, что он хочет, – ответил отец.

– Или мешают, – добавил он, подумав.

– А характер только у человека есть? – спросил Иван Сергеевич.

– У животных тоже бывает. Например, рыжая кошка, которая живет у Андрея, она ласковая. А черно белый кот, который приходит ловить лягушек у нас в пруду – он хитрый и осторожный. А вот про кротов сложно что-то сказать. Но, вообще-то, они трудяги. Смотри, сколько холмиков за ночь наделали. Всех червяков, наверное, собрали.

– А скворцы заботливые, – все время птенцам еду носят – сам решил Иван Сергеевич.

– Да, скворцы заботливые, – согласился отец.

Иван Сергеевич помолчал, потом спросил:

– А у неживых предметов – есть характер? Ну, например, у крыльца.

– Давай подумаем, – ответил отец. – Какое у нас крыльцо?

– Высокое, – ответил Иван Сергеевич.

– Это не характер, просто свойство.

– Синее.

– Это тоже не характер.

– Железное.

– И это не характер, хотя уже теплее. Что из того, что оно железное?

– Прочное и долго не сломается.

– Вот это уже совсем близко, – сказал отец. – Другим словом, наше крыльцо надежное.

Иван Сергеевич раззадорился. Это было интересно – находить характер у предметов.

Он огляделся в поисках чего-нибудь посложней, и на глаза попался топор.

– А какой характер у топора? – спросил он, – наверное, плохой. Он же все колет.

– Колет он потому, что это надо – дрова запасти. А вот что ему помогает это делать? – отец задумался.

– Он сильный! – догадался Иван Сергеевич.

– Это не он сильный, это я. И вообще, сила – это еще не характер, – ответил папа.

– Острый!

– Тоже не совсем то, что нужно.

Иван Сергеевич вдруг вспомнил папино лицо, когда он с размаху ударяет топором по чурбану, и тихо, чтобы на всякий случай не обидеть никого, сказал:

– Я думаю, он немного злой, когда колет дрова.

– Точно, – обрадовался папа, злой – это правильное слово. Значит, топор у нас надежный, потому что железный, и злой, потому что иногда, когда сучок попадется, без злости этот сучок не перерубить.

Папа снова взял бутылку с квасом, подержал ее в руке и задумчиво произнес.

– Только знаешь, бывает злость «по делу», еще говорят –

спортивная, она нужна для чего-то хорошего, а бывает просто злость, как у этого черно белого кота. Ты заметил, что его невозможно погладить, он всегда шипит и когтями отмахивается.

– А у меня на кашу хорошая злость, надо ее доесть, а то бабушка с мамой вместо пикника в лес уйдут.

– Да ты просто проголодался, – ответил отец. Иди за стол, я тоже сейчас приду, чаю выпить, только руки вымою.

Иван Сергеевич встал, поднялся на веранду и молча сел за стол. Бабушка, тоже ни слова не говоря, поставила перед ним тарелку с новой порцией каши. Самолета на столе не было, но лежал фломастер. Иван Сергеевич почувствовал, как левая рука задрожала и предательски потянулась к нему.

– Я справлюсь, – подумал Иван Сергеевич и зажал левую руку между колен.

Бабушка хотела ему что-то сказать, но только вздохнула и промолчала.

А папу, который хотел рассказать всем про их разговор на улице, Иван Сергеевич тихонько толкнул под столом ногой и шепотом предупредил, что это их секрет. Папа согласился.

Так что в этот день пикник на озере с лодкой все-таки получился.

Зеркало в траве

Утром Иван Сергеевич с папой поехали на машине в районный центр за стройматериалами.

– Если хочешь, садись на переднее сиденье. Ты уже сможешь пристегнуться взрослым ремнем, – сказал папа.

– Нет, – рассудительно ответил Иван Сергеевич, – ты же знаешь, что дети до двенадцати лет должны ездить в специальном кресле. А мне еще только семь!

– Ну, тогда забирайся назад – ответил отец.

Дорогой они разговаривали о разных вещах: о лодке, об инструментах, о встречных машинах и о многом другом. Из высоко проплывающих туч иногда падали тяжелые капли, сквозь них светило солнце и настроение было бодрое и радостное.

– Осторожно, тормозим перед лужей, чтобы людей не забрызгать, – сказал папа, проезжая мимо автобусной остановки.

Иван Сергеевич посмотрел назад.

– Никого не забрызгали, – сообщил он.

Они выехали из поселка, потом с проселочной дороги на шоссе и поехали быстро. Лето заканчивалось, сентябрь был не за горами, и в лесу по сторонам дороги некоторые березы были уже желтыми, а клены начинали загораться алым.

Дорога плавно повернула к югу.

– Смотри, аист, – сказал папа.

Впереди на обочине стоял аист. Видимо, он поджидал лягушек, которые часто вылезают на асфальт. Заметив приближающуюся машину, он взмахнул крыльями и плавно полетел над лесом в сторону от шоссе. Скоро он остался позади.

– Красиво летит, – сказал папа, – говорят, что аиста увидеть – к удаче.

– К удаче, к удаче, – ворчливо проговорил Иван Сергеевич, подражая бабушке, – самим надо постараться.

– Правильно, – ответил папа. Он вообще редко спорил с Иваном Сергеевичем. – Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай.

Аиста уже совсем не было видно. В лесу иногда мелькали платки и шапки грибников, машина с шорохом пролетала лужи, через несколько минут должен быть показаться и городок.

– Папа, а кто такой Бог? – неожиданно спросил Иван Сергеевич.

Папа задумался. Потом, не торопясь, осторожно подбирая слова, как осколки разбитой чашки, стал говорить:

– Есть разные мнения. Никто точно не знает. Но, говорят, кто его встречает, сразу узнает.

– А ты встретил?

Папа опять задумался.

– Иногда я думаю, что встречал, но прошел мимо и не как-

то не успел поздоровался.

– А почему не остановился, это ведь так интересно. Это же Бог!

– Ну, как это бывает. Едешь быстро, заметишь что-то интересное, что-то красивое, а остановиться не получается. Или припарковаться негде, или машин много, или просто торопишься. А назад смотреть – в аварию попадешь. Как, например, этот аист. Красиво летит, но уже где-то там, позади.

– Но бог – это не аист. Аиста еще можно увидеть. А бог – это ведь такая редкость, – удивился Иван Сергеевич.

– Да, и встретить сложно, и остановиться не всегда удается.

Папа замолчал, Иван Сергеевич тоже о чем-то задумался. Вдруг он нахмурился и серьезно, почти строго сказал:

– Папа, срочно останови машину.

– Зачем?

– Не задавай лишних вопросов, просто останови машину.

Папа остановил машину на обочине.

– Теперь посмотри, чтобы дорога была пустая, и разворачивайся.

Папа понял, что у Ивана Сергеевича в голове возник какой-то важный план.

– Куда едем? – спросил он.

– Помнишь, где мы сворачивали с маленькой дороги на шоссе, стоит столб с табличкой. Едем туда.

– Зачем?

– Не спрашивай, сам все увидишь.

Папа покачал головой и развернул автомобиль. Практически молча доехали до нужного поворота.

– Стой – скомандовал Иван Сергеевич, прилипнув носом к стеклу и что-то высматривая.

– Остановись здесь, – снова сказал он и попросил, – можно мне выйти?

– Хорошо, выходим, – ответил папа.

Иван Сергеевич отстегнулся, вылез из своего кресла и соскочил с высокой подножки в траву.

Пока папа стоял и с удивление смотрел на сына, Иван Сергеевич озабоченно ходил вокруг столба с табличкой, раздвигая сапогами траву.

– Папа, а что это за камни, – спросил он, показывая на груды валунов, которые начинались прямо от столба и уходили в глубь от дороги.

– Это фундамент старого дома. Когда-то давно здесь стоял дом, теперь его нет.

– Очень давно? – спросил Иван Сергеевич.

– Очень, еще в позапрошлом веке.

– Он что, сгорел?

– Может, и сгорел, а может, просто от старости развалился.

– А кто в нем жил?

– Семья, наверное, большая. Раньше семьи большими были.

– Поня-ятно, – протянул Иван Сергеевич, забираясь на камень и оглядываясь.

– Что ты ищешь, – спросил папа.

– Тут что-то блеснуло, когда мы первый раз проезжали. А теперь не могу найти. Я тогда еще хотел тебя попросить остановиться, но не успел.

– Мы ехали по другой стороне дороги, перейди и посмотри оттуда, – посоветовал папа.

Иван Сергеевич спрыгнул с камня в траву и тут же закричал:

– Нашел!

Он выпрямился и показал отцу находку. Это было небольшое, с ладонь величиной зеркальце в потемневшей металлической оправе. И само оно было немного мутным, но все-таки отражало нос и любопытный глаз Ивана Сергеевича.

– Папа, а это старинное зеркало? – спросил он.

– Похоже, что давно здесь лежит, – согласился отец. Странно, такое мутное, а блеснуло так, что ты заметил. Повезло.

– Ты же сам сказал, что встретить аиста – к удаче! – сказал Иван Сергеевич.

– Значит, народная мудрость не подвела, – ответил отец. – Ну, забирайся на свое место, поедem все-таки в магазин.

Иван Сергеевич залез в машину, папа развернулся, и они снова поехали в районный центр.

– Может, это волшебное зеркало? – спросил Иван Серге-

евич, – как в мультике про бабу ягу.

– Попроси его показать, что мама с бабушкой делают, – посоветовал папа.

Иван Сергеевич что-то пошептал зеркалу, а потом разочарованно сообщил:

– Я в нем только себя вижу.

– Может, это и главное, – глубокомысленно ответил папа.

Скоро они доехали до того места, где дорога изгибалась к югу.

– Папа, как ты думаешь, аиста мы еще увидим? – спросил Иван Сергеевич.

– Не знаю, не уверен. Что ему тут делать, машины всех лягушек уже распугали.

Но аист стоял на своем месте. Когда машина приблизилась к нему так, что можно было разглядеть щелку в его клюве, он только перескочил подальше от асфальта в болотистую низинку вдоль дороги, но не улетел. Только когда машина пронеслась мимо него, он взмахнул крыльями, как будто приветствовал, и опустил клюв в осоку.

А на обратном пути его уже не было. Иван Сергеевич с папой вернулись из строительного магазина как раз к тому времени, когда бабушка с мамой собрались в лес за грибами.

– Не торопитесь, смотрите вокруг внимательно, чтобы ничего не пропустить, – напутствовал их Иван Сергеевич.

– Ах, ты, советчик, – потрепала его по голове бабушка.

– И имейте в виду – сегодня очень удачный день! – доба-

вил Иван Сергеевич и побежал к отцу, на ходу пробуя пускать зайчики новым зеркальцем.

Как «щучий хвост» хотел сбежать

Как-то Иван Сергеевич разговорился с папой о ботанике. Дело было так: по «Окружающему миру» задали составить список профессий, которые имеют отношения к растениям.

– Фермер, – сказал Иван Сергеевич.

– Агроном, – сказала мама,

– Садовник, – сказал папа.

– Поливальщик, – добавил Иван Сергеевич.

– Сдаюсь, больше не знаю, – прокричала с кухни мама.

– Селекционер, – сказал папа.

Иван Сергеевич задумался, и вдруг выпалил:

– Доктор!

– Какой доктор?

– А такой, который сломанные ветки перевязывает. Я в Ботаническом саду видел, помнишь, мама?

А как такой доктор называется? – спросила мама, возвращаясь с кухни.

– Я думаю...хирург! – ответил Иван Сергеевич.

– Что-то я о такой ботанической профессии не слышал. Где на нее учат? – засомневался папа.

– Раз ветки ломаются, значит, их надо сращивать. У людей руку, если упадешь, и она сломается, лечит хирург. Значит, у растений тоже! – стоял на своем Иван Сергеевич.

– Ладно, ботаники, хватит спорить. Лучше посмотрите, почему «щучий хвост» из горшка вылезает.

Это была правда. На окне рос «щучий хвост», или, как было написано в «Энциклопедии растений» – «сансевьера». И вот уже пару месяцев, как все растение вместе с землей вылезало из горшка. Сначала все по этому поводу шутили, мол, «щучий хвост» хочет убежать и пойти погулять, а последнее время стало не до смеха: поливать сложно, вода с земляного кома льется на подоконник, а листья клонятся куда-то вбок.

– Хорошо, – сказал папа, сейчас займемся. Тащи, Иван Сергеевич, газету подстелить, а я горшок с окна принесу.

Газету расстелили на полу в прихожей, папа принес и поставил на нее горшок с сансевьерой.

– Ну, что, тянем-потянем, – сказа папа и ухватил растение за высокие темно-зеленые в полоску листья.

– Дай я, – попросил Иван Сергеевич.

– Тяни, – разрешил папа и сам стал держать горшок руками.

Иван Сергеевич взялся за листья и потянул. Все растение вместе с комом земли вылезло из горшка легко, как будто только и ждало, что кто-то ему чуть поможет. Иван Сергеевич заглянул в горшок. На дне скопилась коричневая вода.

– Пусто, – сказал Иван Сергеевич, – только грязная вода.

– Подожди-ка! – сказал папа, – посмотри сюда. Он взял из рук Ивана Сергеевича растение и положил его на газету:

– Смотри, что это у него?

От корня «щучьего хвоста», от самого верха вниз отходили толстые, с папины пальцы отростки, похожие на щупальца осьминога. К тому же они загибались на концах в стороны так, что «щучий хвост» вполне мог на них стоять.

– Это что, у него ноги? – изумился Иван Сергеевич.

– Похоже на то, – ответил папа.

– На них он и хотел убежать! Вылезти из горшка и убежать, – убежденно произнес Иван Сергеевич.

Папа задумчиво вертел в руках растение. Потом положил его на газету и ушел в кладовку. Оттуда он вернулся со складным ножом, парой пустых горшков и пакетом магазинной земли.

– Вот что, Иван Сергеевич, давай-ка его подлечим, – сказал он и раскрыл ножик.

– Я, я буду резать! – воскликнул Иван Сергеевич.

– А диплом о медицинском образовании у тебя есть? – спросил папа.

Иван Сергеевич тут же убежал к себе в комнату, и пока папа расставлял пустые горшки и открывал пакет с землей, вернулся обратно с листком бумаги.

– Вот диплом!

На листке и вправду было написано крупными буквами «Диплом врача» и нарисован красный крест.

– Ну, бери инструмент, – папа подал Ивану Сергеевичу раскрытый ножик, а сам опустился на корточки возле «щучьего хвоста».

Иван Сергеевич тоже присел рядом, взялся одной рукой за листья растения, а второй начал отрезать отростки от корня.

– Смотрите, пальцы себе не пораньте, – снова крикнула из кухни мама.

– Не волнуйся, не поранимся, мы умеем, – ответил папа.

– У нас диплом есть, – добавил Иван Сергеевич, пыхтя и ковыряясь в земляном коме.

Через несколько минут напряженного труда все три отростка были отделены от основного корня и «щучий хвост», он же «сансевьера» и он же «любимая пища слонов» вернулся в родной горшок. Теперь он никуда не вылезал, и листья росли прямо вверх. Осталось только полить его и вернуть на подоконник.

– Папа, а зачем ему столько названий? – спросил Иван Сергеевич.

– У тех, кто хочет убежать, всегда несколько имен. Ты разве не читал в детективах?

Папа посадил отростки в новые горшки.

– Отдадим соседям, – сказал он, – все равно они хотели попутешествовать.

Иван Сергеевич отправился на кухню мыть руки. Намыливая руки под струей воды он о чем-то думал, и, в конце концов, уверенно произнес:

– И все-таки есть ботанические хирурги. Это – я!

С ним, конечно же, спорить никто не стал. А мама взяла со стола скомканный «диплом», разгладила его и положила

в книгу рецептов – на память.

Катапульта

Иван Сергеевич очень любил забрасывать свои игрушки в разные места. Желательно, чтобы повыше и подальше. Взрослые говорили, что он балуется. А на самом деле это не баловство, а очень интересное занятие.

Знают ли, например, взрослые, что большой пустой мяч, если его пнуть хорошенько, улетит намного дальше, чем маленький, но тяжелый камень? А ноге будет больнее от маленького камня. Наверное, знают, ведь они учили это в школе и в институте. Но Иван Сергеевич узнал об этом сам – давно, еще даже до того, как пошел в первый класс.

А вот еще – почему попасть воланчиком от бадминтона в нарисованную утку сложнее, чем стрелой из арбалета?

Когда Иван Сергеевич спросил об этом папу, папа задумался и не смог быстро объяснить. Вместо этого он взял листик бумаги, карандаш и стал зачем-то рисовать какие-то палочки и стрелки.

– Видишь, – говорил папа, – ракетка ударяет по воланчику непонятно как. Поэтому он и летит непонятно куда и непонятно как. А стрелу толкает резинка, одинаково с двух сторон, поэтому она летит точно в цель.

Иван Сергеевич на эти стрелки только посмотрел, и пошел ставить практические эксперименты. У него был арба-

лет, который они сделали с папой прошлой зимой. И очень красивая стрела – с красным наконечником и синим стабилизатором, как у самолета.

– Давайте устроим соревнование по стрельбе, – предложил Иван Сергеевич.

Бабушка только заворчала, услышав про стрельбу, а мама согласилась. А если согласилась мама, то папу Иван Сергеевич даже спрашивать не стал.

Иван Сергеевич пошел тренироваться. Стрела летела почти всегда туда, куда нужно. Пока Иван Сергеевич не решил попробовать запустить ее через раскидистую старую липу.

Этот эксперимент оказался неудачным – стрела застряла на ветке так высоко, что достать ее с земли палкой или даже длинной раздвижной удочкой не получалось. Иван Сергеевич отправился за советом.

– Папа, – спросил он, – чем можно достать стрелу с липы?

– Попробуй сбить ее мячиком, – ответил отец.

Но мяч, как Иван Сергеевич не старался, до стрелы не долетал.

– Поставь мне лестницу, – попросил Иван Сергеевич.

– Лестница, наверное, не достанет, – ответил папа, посмотрев на липу.

– Но, на всякий случай, измерь лестницу рулеткой.

Иван Сергеевич взял рулетку, и пошел в сарай, где лежала лестница.

Кроме лестницы в сарае лежали доски и короткие брев-

на. И Иван Сергеевич вспомнил, как в цирке доску клали на круглое бревно, один человек прыгал со стула на один конец доски, а второй, стоявший на втором конце, подлетал кверху.

Но вряд ли взрослые согласятся подкидывать его на такую высоту. Станные все-таки люди – эти взрослые. В космос космонавтов отправляют, а мальчика на несколько метров подбросить – боятся.

И тут Иван Сергеевич вспомнил мультфильм «Мифы древней Греции», и как папа рассказывал ему о всяких машинах, которые греки использовали в войне.

Иван Сергеевич бегом вернулся к отцу, который в это время делал подпорку для яблони.

– Измерил? – спросил он.

– У меня идея получше, – сказал Иван Сергеевич радостно. – Надо сделать катапульту, зарядить ее мячом и сбить стрелу.

– Неплохая идея, – согласился отец. – С чего начнем?

Иван Сергеевич хотел начать с того, чтобы пойти в сарай, вытащить доски и бревна, и сразу все сделать. Но отец сказал, что по правилам, а правила нужны всегда там, где нужно добиться результата с первого раза, сначала нужно нарисовать чертеж, по чертежу составить список материалов, инструментов, и потом уже приступить к постройке.

– Ты ведь помнишь, как мы строили из кубиков башни? Первое правило – чем прочнее фундамент, тем выше башня. А для сложной конструкции фундамент – это чертеж.

– Ну, хорошо, – согласился Иван Сергеевич, – так уж и быть, пойду, нарисую чертеж.

Он вернулся на веранду, взял разноцветные фломастеры и нарисовал катапульти. И рядом мяч. Мяч получился слишком большим, но это для того, чтобы не забыть про него и не зарядить потом катапульти камнем. Иван Сергеевич помнил, что камень далеко закинуть сложнее, чем мячик.

Папа посмотрел на рисунок и сказал, что для начала неплохо, но хорошо бы нарисовать катапульти по частям, и поставить номера, что за чем собирать.

– Чтобы получилась инструкция, как в лего, – сказал папа.

– Ну это же не лего, ты что, не понимаешь, здесь деталей мало, – ответил Иван Сергеевич.

– Ну, хорошо, – ответил папа, и сам взял фломастер. – Значит, так. Это будет основание, две станины, в них два отверстия для оси. На оси – главная доска, она же рычаг, к ней приделаем ведерко из-под саженца для мячика, здесь крючок для резинки, а второй – чтобы тянуть. Все, чертеж готов!

Обедали, как обычно, на веранде, и Иван Сергеевич все время косил глазами в окно, за которым на газоне грудой лежали несколько досок, брусков и инструменты. Кое-что успели сделать до обеда – готовая левая станина стояла отдельно, прислоненная к яблоне.

– Что-то вы опасное затеяли. Неужели проще способа нет достать стрелу? – спросила мама. – Или подождать, когда ветром сдует.

– Ждать – это не по-мужски, – ответил папа.

– И к тому же, стрела нужна сегодня вечером для соревнования, – поддержал Иван Сергеевич.

– Смотрите, на соседский участок ничего не забросьте, – прокомментировала мужскую затею бабушка, – у них теплица стеклянная, не ровен час, разобьете.

После обеда дело пошло быстро. Правая станина, поперечина, главный рычаг пристроились друг к друг, как было нарисовано на чертеже. Сам чертеж был приколот на сучок яблони, под которой велось строительство.

Когда все было готово, и Иван Сергеевич дважды проверил шуруповертом, все ли шурупы завернуты до конца, папа внимательно посмотрел на главный рычаг, потом на липу, потом снова на рычаг, потом на чертеж.

– Знаешь, сказал он Иван Сергеевичу, – надо бы укоротить рычаг. А то очень сильный размах, мяч далеко улетит, и высоко слишком.

– Ты так считаешь? – спросил Иван Сергеевич, которому уже очень не терпелось перейти к практическим испытаниям. Тем более, что папа иногда и сам говорил, что практика – лучший критерий истины. Впрочем, он говорил так тогда, когда Иван Сергеевич отказывался играть гаммы, уверяя, что и так их отлично знает.

– Ну, – ответил папа, если у тебя есть время подождать, то я вспомню пару формул и посчитаю. Но, если времени нет, то просто поверь.

– Доверяй, но проверяй, – тут же вспомнил поговорку Иван Сергеевич. Это была любимая поговорка бабушки, которую она всегда приговаривала, отходя от кассы в магазине и рассматривая чек.

В этот момент мама крикнула из дома, что звонит папин телефон.

– Я недолго, побудь здесь, но не стреляй – сказал папа и ушел в дом.

Тут скрипнула калитка, и в ней показался соседский мальчик, друг Ивана Сергеевича, тоже Ваня. Он подошел к катапульте и спросил:

– Что это такое?

Иван Сергеевич подвел его к чертежу на яблоне, потом снова повернул к конструкции.

– Катапульта. Не читал что ли про Древнюю Грецию?

Про Древнюю Грецию соседский Ваня читал, но никогда не видел катапульту в действии.

Как-то так получилось, что Иван Сергеевич совершенно забыл, о чем сказал папа, уходя говорить по телефону. А именно о том, что рычаг нужно укоротить, и пока не стрелять. Как заряжать, то есть класть в пластмассовый горшок, прикрепленный к рычагу, мяч, как тянуть за веревку, давя всем весом, чтобы дотянуть длинный конец рычага почти до земли, как вставить защелку, а потом отойти и выдернуть ее за специальную веревочку – Иван Сергеевич помнил, а о том, что пока все это делать рано – забыл. Тем более, что

соседский Ванечка усиленно помогал тянуть рычаг к земле.

– Огонь, – скомандовал Иван Сергеевич, и дернул за веревочку.

Брусок с горшком резво скакнул вверх, мяч вылетел из него и полетел...

– Ух, ты! – воскликнул Ванечка.

– Бум дзинь-дзинь, – донеслось откуда-то из-за липы.

Из-за той липы, над которой описал плавную дугу и скрылся на соседском участке мячик, и на ветвях которой по-прежнему качалась стрела от арбалета.

Когда через несколько минут к катапульте подошел папа, наговорившийся по телефону, он увидел двух мальчиков, прилежно изучающих рисунок коры на яблоне. По всей видимости, они не испытывали большого интереса к катапульте древних греков, а просто так стояли рядом и молчали.

– Ну, несите мяч, – сказал папа, – а я пока рычаг укорочу.

– Понимаешь, – сказал Иван Сергеевич папе, – я показывал Ванечке катапульту, и она как-то выстрелила. Короче, мяч улетел.

– Что-то мне какой-то звон послышался, – сказал папа.

– И мне тоже, – ответил Иван Сергеевич.

– И мне, – подтвердил соседский Ванечка.

– Ну и куда он полетел, – спросил папа.

– Туда, – две загорелые руки одновременно вытянулись в сторону липы.

– Что ж, пойдем, оценим масштаб бедствия и проведем

мирные переговоры, – решил папа. – Ну, стрелки, идите первыми.

Таким порядком – оба мальчика впереди, а папа за ними, дошли до калитки соседнего участка.

Калитка была открыта, и в ней стояла чужая бабушка с сердитым лицом. За бабушку пряталась незнакомая девочка с двумя хвостиками на голове, зеленых шортах и пестрой футболке.

– Здравствуйте. Мы как раз пришли узнать, не натворили ли мы у вас бед, – вежливо сказал папа.

– А сами посмотрите, – ответила чужая бабушка, – вон там, за кустами.

Все пошли смотреть, что там – за смородиновыми кустами. Иван Сергеевич по дороге успел сорвать несколько красных ягод, но сунуть их в рот постеснялся.

За кустами стоял круглый пластмассовый столик, за которым, вероятно, еще недавно кто-то пил чай. По крайней мере, на нем до сих пор стоял чайник, лежала перевернутая вазочка в окружении печенья, рядом на боку чашка с петушком. Под столиком лежала вторая чашка, точнее ее осколки, и, разумеется, мячик Ивана Сергеевича тоже был там. Со столика на мячик и осколки чашки капал чай.

– Мы сидели, пили чай, – начала рассказывать девочка, – и вдруг прямо с неба этот мяч. Моя кружка упала и разбилась.

– Это у нас случайный выстрел произошел, – ответил папа, – не успели толком отрегулировать.

– Из катапульты, – добавил Иван Сергеевич.

– Как у древних греков, – уточнил соседский Ванечка.

– Ну, бывает, – вздохнула чужая бабушка, – только лизину чашку жалко. Это ее любимая.

– С цыплятами, – сообщила Лиза.

– С чашкой дело поправимо, – сказал папа, отвел Иван Сергеевича в сторону, нагнулся к нему и что-то прошептал на ухо. Иван Сергеевич вздохнул, кивнул, и побежал к себе на участок.

– А мы пока у вас тут приберем, – папа наклонился за упавшим стулом, а потом присел, чтобы собрать осколки чашки.

– Да что вы, мы сами, – захлопотала вокруг него чужая бабушка.

Через несколько минут стол был вытерт, вазочка с частично спасенным печеньем стояла посередине, чашка с петушком тоже, а два стула стояли сбоку стола. Соседский Ваня держал в руках мяч, а Лиза вертела в руках осколок своей чашки, на котором осталась желтая головка цыпленка.

Тут снова из-за смородиновых кустов показался запыхавшийся Иван Сергеевич. Он быстро подошел к Лизе и протянул ей целлофановый пакет.

– Это тебе, моя мама упаковала, чтобы я снова не разбил, – сказал Иван Сергеевич.

– Ой, – воскликнула Лиза, доставая из пакета чашку, – какая красивая!

– Это моя любимая, – сказал Иван Сергеевич, – с муми-тролем! Прощай, чашечка!

– Да зачем вы так, – заволновалась чужая бабушка, – неужели у нас своих чашек мало!

– Дело не в чашке, – ответил папа, и подтолкнул Ивана Сергеевича.

Иван Сергеевич повернулся к чужой бабушке и спросил:

– А вы отпустите Лизу с нами поиграть? Мы сейчас будем катапульта испытывать.

Чужая бабушка нахмурилась. Наверное, она подумала о том, как тысячи мячиков полетят с неба на ее огород.

А Лиза обрадовалась и нашла важный аргумент:

– Бабушка! Бабушка! Я пойду. Надо же проверить, чтобы в нашу сторону больше не стреляли!

Папа все-таки укоротил рычаг, поэтому мяч дальше края газона не улетал. До верхушки липы он долетел бы, но это уже было не нужно. Пока ходили за мячиком да дарили чашку, ветер раскачал ветви, и стрела упала на траву.

На следующий день к вечеру пошел дождь. Взрослые сидели на веранде, а оба Вани и Лиза устроились в беседке и играли в лото. Катапульта одиноко мокла под яблоней.

– Из этих досок полок можно было наделать, – сказала бабушка. – А так, мокнет теперь, никому не нужная.

– Если бы не она, не было бы у мальчиков подружки, – ответила мама.

– А полки из других досок сделаем, в сарае их много, –

добавил папа.

Крыжовник

Как-то утром еще по росе Иван Сергеевич вышел из дома и пошел по газону. Он шел просто так, без особой цели, может быть, только чтобы найти потерянную вечером летающую тарелочку. Только что позавтракали. За завтраком бабушка всем налила кофе в новые чашки, а себе хотела в старую, с щербинкой и трещинкой.

– Мама, там же новые чашки для всех, – сказала мама Ивану Сергеевичу бабушке.

– Я люблю из своей, – ответила бабушка.

Но мама встала, сходила на кухню и принесла бабушке новую чашку из тех, которые вчера купили.

– Эта же треснет, обольешься!

– Жалко, – сказала бабушка, – я к своей привыкла.

– Да ну, выбросить давно пора. Зачем битое хранить.

Но бабушка отнесла свою старую чашку на кухню. Иван Сергеевич потом, когда относил свою тарелку после завтрака на кухню, видел, что бабушка положила в нее губку для посуды.

– Может, выбросишь? – спросил Иван Сергеевич.

– Пока послужит еще, – ответила бабушка, – всякая вещь для чего-нибудь да пригодится.

Как обычно, ночью в саду славно поработали кроты, и на

газоне то тут, то там, высились холмики свежевыкопанной земли. И на одном из них что-то блеснуло.

Иван Сергеевич подошел и присел рядом. На успевшей подсохнуть земле сверху холмика лежал осколочек зеленого стекла, а рядом – монетка!

– Клад! – закричал Иван Сергеевич, схватил монетку и стеклышко и помчался к дому.

Папа внимательно осмотрел находку. Стеклышко было – как стеклышко, про него ничего точно сказать было нельзя. А монетка была старая. Не совсем старинная, какие в музеях под охраной лежат, но старая. На ней был изображен человек с молотом в небольшом квадратике со срезанными углами, было написано 20 копеек и дата – 1929 год. Монетка была темная, такого коричневого цвета, как хлебная корочка.

– Вот ведь какое место, – сказала бабушка, – как давно здесь люди жили!

– Может, они не жили, просто гуляли с дырявыми карманами, – добавила мама и позвала Ивана Сергеевича, – у тебя-то самого карманы целые?

Но Иван Сергеевич вырвался и убежал с веранды на улицу. Он сбегал на огород, где возле грядок была воткнута лопата.

– Что будешь делать? – спросил папа, глядя из окна, как Иван Сергеевич пыхтя вытягивает лопату из земли.

– Там крот клад нашел, надо выкопать, – ответил Иван Сергеевич и потащил лопату, а она была ему до подбородка,

к тому месту, где нашел монетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.